

А.В. ПИГИН

СОЧИНЕНИЯ О ЧАЕ И САМОВАРЕ
В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVIII—XX ВВ.

В обширном корпусе русских этимологических легенд выделяется тематическая группа текстов о чае, который трактуется здесь — наряду с табаком, хмелем, картофелем, чесноком и др. — как растение «нечистое», «проклятое». Подборка таких фольклорных нарративов была опубликована недавно О.В. Беловой и Г.И. Кабаковой¹. Чай проклят потому, что посеян Сатаной и не поклонился Христу (или «один расцвел») во время Его распятия, «идет против Бога». Перед концом света чай, хмель и табак привлекут к Сатане людские души. В комментариях к этим легендам издатели справедливо отмечают, что «представление о “греховности” чая характерно для старообрядческой среды»². В этой связи уместно поставить вопрос о том, как интерпретировались старообрядцами чай и чаепитие в книжных текстах и как соотносятся эти интерпретации с устными нарративами.

Отношение старообрядцев к чаепитию рассматривалось преимущественно этнографами в общем контексте бытовых правил и запретов, но без обращения к рукописным сказаниям³. Изображение чайного этикета в русской литературе XVIII в. стало предметом специального исследования Э. Малэк, однако письменность старообрядцев она тоже обошла вниманием⁴.

В настоящее время нам удалось выявить в рукописях XVIII—XX вв. около десятка старообрядческих статей, в которых так или иначе затрагивается эта тема. Некоторые из них целиком посвящены чаю и неизбежным его спутникам самовару и сахару; иногда они оформлены как выписки от двух-трех предложений до более развернутых повествований с ложными ссылками на разные источники («Книга Адамант», «Стоглав», «Камень веры», «Книга Златоструй» и др.). В других «чайная тема» затрагивается попутно, как правило в общем ряду осуждаемых новшеств пореформенной эпохи, таких как модная европейская одежда, короткие прически, табакокурение и т.п. Как свидетельствуют рукописи, сочинения о чае получили распространение среди старообрядцев-беспо-

повцев, преимущественно поморцев и странников⁵. Среди наиболее объемных можно отметить Послание поморского книжника Г.Н.М. в Москву конца XVIII в. о Божием наказании любителя пить чай (ИРЛИ, кол. Евсеева, № 7); «В разумление и в познанию истинныя в безверии живущем рабом...» 1895 г. (ИРЛИ, Карельское собр., № 122); пещорский список «Газеты из ада» конца XIX в. (ИРЛИ, Усть-Цилемское новое собр., № 322); «От Старчества. Инока Захария ко ученику своему Евфимию...» середины XIX в. (КГИАХМ, КП-10238) и др. В рукописных сборниках статьи о чае находятся нередко в окружении сочинений о вине, табаке и о конце света. С устными этимологическими легендами их роднит резкое неприятие чая как «нечистого» растения, хотя содержание этих памятников составляют в основном другие мотивы.

Употребление чая, по старообрядческим воззрениям, есть грех; не случайно вопрос о чаепитии мог включаться в чин исповедания: «не пивал ли чаю... по небрежности, а наипаче по бестрашию Божию?»⁶ За чаепитие предусмотрена суровая епитимья, которая, впрочем, вряд ли применялась на практике: «30 лет по три тысячи поклонов на день»⁷. Главная причина запрета на чаепитие в старообрядческой среде заключается в том, что чай, как полагали старообрядцы, появился в России после никоновских реформ и анафематствования «ревнителей древлего благочестия» — «по пронаписанной брани с самим дьяволом по числу лет 1666-го» (ИРЛИ, кол. Евсеева, № 7, л. 191об.). Строго говоря, эти представления не вполне соответствуют историческим фактам. Впервые русские познакомились с чаем благодаря контактам с китайцами уже в XVI в., в период освоения Сибири. В Москву чай попал через дипломатов в годы правления Михаила Феодоровича в 1630-е гг., «был испробован, понравился и вошел в употребление при дворе, потом у бояр и других богатых людей»⁸. Однако в повседневный пищевой рацион россиян чай действительно стал входить только с конца XVII в., когда его начали продавать в лавках вместе с другими обыденными товарами⁹. Первоначально чаепитие являлось привилегией дворянства, но постепенно распространилось и в других социальных слоях.

Неприемлемым для старообрядцев было и «басурманское» происхождение этого растения: чай не произрастает в православных странах, но привозится от «нечистых» народов. Как утверждает старообрядческий автор, «чай имеет расти и собираем быти во стране нечистой и бусарьмайстей и ядушей всякую нечистоту, за что и подлежит многим народным отголоскам некая иметь сопричастная к нечистоте при собрании онаго и произведении в таковой вид и свойства порядок, почему для верных и сумнителен для употребления» (КГИАХМ, КП-10240, л. 1об.—2). В большинстве текстов родиной чая называется Китай: «пролетит китайская стрела чрез всю вселенную, то есть чай» (ПетрГУ, № 1077431, л. 257); «от китаев будет покупаемо изменом на товары» (ИРЛИ, Карельское собр., № 265, л. 256) и др. Виновниками соращения христиан чайным листом могут быть названы и египтяне, и «еллины» (т.е. язычники). Поскольку чай появился в России в эпоху «чрезмерных небывалых роскошей», «от запада... просыпанных», старообрядческие авторы обвиняют в распространении чаепития также «преступников закона римлян, французов, лютеран и калвинистов» (ИРЛИ, кол. Евсеева, № 7, л. 191об.). В одном сочинении чай уподобляется «мутной реке», которая течет, что примечательно, не с востока на запад, а с запада на восток: «Протекла от запада и до востока и во вся концы река мутная сластолюбцам безверным чайное отчаяное питье» (ИРЛИ, Карельское собр., № 122, л. 29об.). Глубоко укоренившееся в христианском сознании восприятие запада как страны дьявола, а востока — как жилища Бога оказывается важнее исторической правды. Символическая география подменяет собой реальную.

Приобщение к обычаю иноверцев и «язычников» расценивается как отступление от истинной веры. Судя по имеющимся текстам, старообрядцы подозревали, что на родине чая, в Китае, это растение используется в каких-то местных религиозных обрядах, для поклонения «идолам». Листья чая окроплены змеиным жиром (или салом), потому что китайцы «змию поклоняются вместо Бога» (ИРЛИ, Карельское собр., № 265, л. 256). О почитании китайцами «змия» (дракона) на Руси в

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПИГИН,
доктор филол. наук; Петрозаводский гос.
ун-т

конце XVII—XVIII в. хорошо знали по заметкам путешественников и дипломатов, в частности Николая Спафария¹⁰. Восприятие чая как «идоложертвенного» растения — общее место старообрядческих сочинений на эту тему.

Подозрительное отношение к чаю вызывало и само созвучие этого слова с названием одного из тягчайших грехов — «отчаянный»: «Аще кто от православных христиан дерзнет пити чай, сей отчаеся самого Господа Бога и да будет предан 3-жды анафеме» (ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 66, л. 252об.). Вариации этой формулы вошли в устную традицию как поговорки: «Кто пьет чай, тот отчаянный», «Кто пьет чай, тот спасения не чай». Такой же паронимический принцип характерен для народных примет и снотолковательной традиции: «яйца видеть — кто-то явится; реки видишь — то речи; <...> ты видишь во сне покойных — так пройдет все спокойно; <...> чай видишь — нечаянность»¹¹ и т.п.

В рукописях XVIII—XX вв. процитированное выше «правило» приводится со ссылкой на «Книгу Зиноря» (иногда — «Иоанна Назаря») и дополняется подобными же запретами на употребление кофе и табака: «Аще кто от православных христиан дерзнет пити кофей, в том человеке будет ков и лукавство и да будет предан анафеме 4-жды. Аще кто от православных христиан дерзнет пити табак, той да будет предан анафеме 7-жды» (ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 66, л. 252об.). «Зинорь» или «Иоанн Назарей» — это, несомненно, варианты имени Иоанна Зонары, известного византийского канониста XII в., составителя толкований на церковные правила номоканона. На рубеже XVIII—XIX вв. старообрядцами было напечатано несколько изданий покаянного номоканона, содержащего чинопоследования исповеди и правила о наложении епитимьи, который получил название «Зонар»¹². В большинстве рукописей рядом с именем Зонары в этих же подборках о чае, кофе и табаке упоминается и Феодор Вальсамон — другой известный канонист той же эпохи (ГИМ, Музейское собр., № 87, л. 96; № 336, л. 9об.; РНБ, О. I. 359, л. 198—198об.; и др.)¹³. Иногда эти подборки завершаются «правилом», со ссылкой на Василия Великого, об осуждении самоубийства (ИРЛИ, Карельское собр., № 34, л. 2—2об.). Выписка о самоубийстве связана, несомненно, с той полемикой, которая велась в старообрядческой среде по вопросу о самосожжениях. Однако в данном контексте она

подчеркивает тяжесть грехов, о которых идет речь выше: употребление чая, кофе и табака — по логике этой компиляции — ведет к духовному самоубийству. Следует заметить, впрочем, что позднее, в 1909 г., на Первом Всероссийском соборе христиан-поморцев, приемлющих брак, чаепитие было отнесено к разряду «излишеств» и признано грехом «небольшим», за который не следует отлучать от церкви¹⁴.

Оформление запрета на чаепитие как церковного правила со ссылкой на высокий авторитет Иоанна Зонары являлось, вероятно, вынужденным шагом. Отсутствие упоминаний чая в Священном Писании, постановлениях Вселенских соборов и других канонических текстах могло вводить некоторых старообрядцев в соблазн. Если апостолы, Отцы Церкви и другие древние церковные авторы не запрещали чай, то и употребление его не является грехом. Рассуждение о том, что «Писание» умалчивает о чае, «потому что ни в Греции, ни в России во времена древнии, при православных патриархах и царях» его попросту не было (ИРЛИ, Латгальское собр., № 192, л. 25), очевидно, убеждало не всех. Как свидетельствует послание поморского автора конца XVIII в., скрывшегося за инициалами Г.Н.М.¹⁵, аргумент *ad silentium* вполне мог служить оправданием для любителей пить чай. Г.Н.М. рассказывает историю одного зажиточного московского старообрядца, пристрастившегося к чаепитию, которого его духовный отец никак не мог отвратить от этого греха. В конце концов духовный сын потребовал от своего наставника четких канонических доказательств греховности чаепития: «...на коем Вселенском соборе написано у святых запрещение чай пити и коль тяжек грех той пред Богом вменяется? <...> Естли не докажеша явнаго именованнаго святоотеческаго о чаю запрещения, то не намерены мы отныне вас слушати» (ИРЛИ, кол. Евсева, № 7, л. 189об.—190). Неразумный сын был в конце концов наказан за свое упрямство, но никаких «святоотеческих» доказательств его оппонент привести так и не смог. Трудно сказать, использовалась ли когда-нибудь ссылка на Иоанна Зонару в подобных спорах. Однако обилие списков этой явно апокрифической компиляции о чае, кофе и табаке свидетельствует как будто о том, что не искушенные в канонических вопросах читатели относились к ней с доверием.

Греховность чаепития усугубляется использованием сахара, поскольку в него, как утверждают старообрядческие

авторы, добавляют кровь и молотые кости, «которыя собирают в поле, зря, какая попадетя: лошадиная, кошачья и собачья» (ИРЛИ, Латгальское собр., № 192, л. 25 об.). Запрет на использование сахара, который отваривается вместе со «скотской кровью», и тех продуктов, куда он добавляется (пряников и др.), вошел в уставные документы Выговской поморской пустыни XVIII в.¹⁶ Эти представления имеют под собой определенные основания, так как для очистки тростникового сахара в промышленном производстве использовались угольные фильтры из переработанных говяжьих костей.

Сведения о чае в некоторых старообрядческих сказаниях приводятся в форме древних пророчеств о «последних временах». Пророчество может быть преподнесено как запись в некоей священной книге («Златоструй», «Книга Адаманти» и др.), иногда с точным указанием главы и даже листа, или изложено от имени авторитетного старца его ученику. О появлении чая и самовара рассказывается как о будущем событии, которое произойдет во времена Антихриста. Но, поскольку царство Антихриста уже наступило, читатель должен воспринимать текст как исполнение пророчества. Люди сами поклонятся Антихристу, без насилия и гонений, ибо он соблазнит их «сластолюбивыми» удовольствиями, одним из которых и является чай. Предсказание сопровождается призывом уклониться от этого соблазна и угрозой вечных мучений для тех, кто не устоит: «Аще ли кто в сие время сохранится от таковой скверной прелести, мню, яко сия злокозненная страсть вкоренится в человеческий род напоследок днии в [дефект ркп.] врага Божия Антихриста, и за ета примут вечную муку» (ИРЛИ, собрание отдельных поступлений 23, № 282, л. 1—1об.). Мучение «чайников» (любителей пить чай) на том свете заключается в том, что они будут кипеть в «чайном озере» и Сатана будет поить их вместо чая раскаленным оловом: «Отчаянным чайникам на оном будущем веке озеро чайное! Там всегда ключем кипит, и там кипят да варятся, и вси туды чайники валяются» (ИРЛИ, Карельское собр., № 122, л. 30об.); «Я (т.е. Сатана. — А.П.), милостивыя государи, повелю чай греть не в самоваре, но для вас, господ роскошных и жирных, здесь во аде есть большой котел на зьваре, растоплю олово наместо чаю и пуншу, чтобы промочить скарედную жаждушую вашу душу» (ИРЛИ, Усть-Цилемское новое собр., № 322, л. 21—21об.). Если в фольклор-

ных легендах о чае основное внимание уделяется этиологии, то в книжных текстах старообрядцев безраздельно господствует эсхатология.

Где чай, там и самовар. Поскольку чай является растением «идоложертвенным», именно самовар трактуется как «сатанинский жертвенник». Жертва приносится «богу — своему чреву», а обряд совершают часовники — «идольские жрецы». Для полного тождества с языческим жертвоприношением чай сравнивается с кровью (ИРЛИ, собрание отдельных поступлений 23, № 282, л. 1). Самовар именуется также «медным змеем», «кумиром».

Для эсхатологических верований старообрядцев-беспоповцев очень характерна способность открывать зловещие свойства предметов, казалось бы, самых обыденных. Любое новшество, будь то телефон, телевизор, радио, телеграфные провода и т.п., свидетельствует о конце света, ассоциируется со змеями, дьявольской сетью и «огненными стрелами»¹⁷. Так и самовар есть зримый образ ада. Инфермальную природу этой «адской утробы» выдают горящие в нем угли, кипящая вода, вырывающийся из-под крышки пар: «...стоит с клокотом ис пропасти адской и преисподней земли, а чот крыша его пары все составы адской земли, уши его слышание по всей земле стоит, крант завинтят всю подселенную, сей состав явно проясняет онное мучение роду христианскому, наше ухо сего не оставит в животе своем, то во адовем дне закипит сердце его, и закрычит тогда из всея крепости своея, и увидят угли, в нем горящая, — адово жилище» (ИРЛИ, собр. Плотникова, № 51, л. 11об.—12). Конец света в старообрядческих эсхатологических нарративах связывается обычно с завершением какого-либо процесса (когда «не будет ни одного верующего», когда «ад заполнится попами и архиереями»)». Как утверждает старообрядческий автор, «страшно Христово пришествие» состоится тогда, когда «не будет того дому, дабы Сатану не почтили и самовара на престоли не поставили и от руки его причастие не приняли» (КГИАХМ, КП-10238, л. 24). Процедура чаепития из самовара в старообрядческих сказаниях достигает, таким образом, высшей степени демонизации.

В приложении публикуются отдельные тексты о чае и самоваре из старообрядческих рукописей. Тексты издаются по правилам многотомной серии «Библиотека литературы Древней Руси» (СПб.), в квадратные скобки заключены буквы, утраченные в рукописи и восстановленные по смыслу.

I

ИРЛИ, собрание отдельных поступлений 23, № 282, л. 1—1об., вторая половина XIX в. (итемпель «Татаровской / № Протасьева 7 / фабрики» — Клепиков 1959, № 161: 1865—1883 гг.), полуустав, 2^о.

Сказание о чаю и о самоварѣ.

Священная книга Адамантѣ во главе 305 сице повѣствуетъ.

Въ послѣднее время изыдетъ на брань съ христианы мѣднѣй змѣй, рекомѣй адская утроба. И во[лю] его возлюбить крѣпко и предадутся ему до конечнаго умопомрачения. И той змѣй имать во округу себѣ воду, а внутри огонь горящій, якоже въ жупелѣ геенскомѣ. И будутъ изъ него мнози ту воду пушати чрезъ мерзскій проходъ его во ины сосуды, и полагающе въ ту воду богомерзскую траву, яже есть треокаянный чай. И будутъ вси челоуѣцы съ любовью пити ю и наслаждаться, прельщающе симъ правовѣрныя христианы. И мнози отъ нихъ предадутся и выдадутся себѣ на осквернение поганской травѣ и мѣдному змию. Доздѣ пророчество. Сей есть сатанинскій жертвенникъ, по нему же совершаютъ жертву бѣсовскую богу — своему чреву. Имущи же сей скверный сосудъ въ домѣхъ и поставляюще его по столѣхъ на мѣстѣхъ честнѣйшихъ, истребляюще сию небогоугодную жертву во своя утробовлагалища, якоже жрецы идольския. И тшатся окаяннии на всякъ день почасту исполнити сию небогоугодную жертву: едини усугубляюще, друзии третицею исполняюще, нѣцыи же потцаливины вѣщи и четверицею съ велимъ тшаниемъ совершающе. Множицею и въ нощи не почивающе, изливающи изъ сего сквернаго сосуда воду, огнемъ кипящую, во ины сосуды изваянны, малы видом, по единому всякаго хотящаго изливати сию скверную жертву. Единъ же отъ малыхъ сосудовъ имуще честнѣйшихъ, въ него же покладаяще богомерзскую траву, яже есть чай, изливающе изъ него воду, яко кровь, во вся малыя сосуды. Людие же хотящии исполнити сию кровавую воду во уста своя и поглощающе во свое чрево, яко въ нѣкое пространное влагалище. И до того изнуряюще плоти своя труждающиеся на много чась, яко и поту велиему истещи имъ отъ главы и до ногу. И того ради совлачаютъ ризы своя развѣ единыя срачицы, но и сию точно постыдныя ради наготы на тѣлесѣхъ своихъ удерживаху. Аще ли кто въ сие время сохранится отъ таковой // (л. 1об.) скверной прелести, мню, яко сия [зло]козненная страсть вкоренится въ челоуѣчскій родъ напоследокъ днии в [дефект ркп.] врага Божия Антихриста, и за ета примуть вѣчную муку.

II

ИРЛИ, собр. Плотникова, № 51, л. 11об.—12об., конец XIX в. (итемпель «Косинской фабрики Рязанцевых, № 6» — Клепиков 1959, № 175: 1887 г.), полуустав, 4^о.

Выписано ис книги Стоглавъ, 12, 3.

О чаю, кофни, о калбасахъ и о самоварѣ

Какъ святѣи отцы проповѣдаша Святымъ Духомъ, какъ людие и в послѣднихъ временѣхъ возлюбить вся выше писанная, начнутъ почитать, яко Богу, и поклоняются другъ другу, любы деютъ о будущемъ вѣце, яко аспиды глухи, не слышатъ гласа святыхъ отецъ и пророкъ всемъ о самоваре, значить антихристово учение прозябаетъ по всѣй земли, стоить с клокотомъ ис пропасти адской и преисподней земли, // (л. 12) а чотъ крыша его пары все составы адской земли, уши его слышание по всѣй земли стоить, крант завинтятъ всю подселенную. Сей составъ явно проясняетъ онное мучение роду христианскому, наше ухо сѣго не оставитъ в животе своемъ, то во адовѣмъ днѣ закипитъ сердце его, и закрычитъ тогда изъ всея крепости своея, и увидятъ угли, в немъ горящая, — адово жилище. И сего кумира принесутъ и сочиняютъ идоложертвенная, яко Богу угождають, и не считаютъ сѣго за грѣхъ, провожаютъ жизнь свою. Сего брашно горестъ бесовская, ядъ аспиды змия, неисцелна, деса// (л. 12об.) торично проклят. И о чяю значить, аще кто ис православныхъ христианъ дерзнетъ пити чаю, симъ отчаеся самого Господа Бога, утолстѣвають утробу свою за большую ять, симъ червѣмъ уготовляють, десятикратно проклять.

III

ПетрГУ, № 1077431, л. 256об.—257об., 1860—1870-е гг. (итемпель «Фабрики / № 5 / Сергеева» — Клепиков 1959, № 181: 1862 и 1868, 1870 гг.), полуустав, 292 л., 8^о.

Книга Камень вѣры

Во послѣдний вѣкъ и полве// (л. 257) ка проявится у христианъ медный змей, утроба огнѣная. Посреди того змия будетъ огонь гореть, а по бокамъ вода кипеть. И будутъ в ту воду треклятую траву класть, и упиются все христианы, но осквернятъ всю внутренность.

Книга Златоструй, глава 232

В послѣдняя времена пролетитъ китайская стрела чрезъ всю вселенную, то есть чай. И будутъ у христиа// (л. 257об.) нѣ кипящихъ сосудовъ на столахъ, и будутъ во уста принимать, и тѣм осквернятъ всю внутренность.

IV

КГИАХМ, КП-10240, л. 1—2об., конец XIX—начало XX в. (итемпель «Фабрика наследниковъ Сумкина, № 6» — Клепиков 1959, № 202: 1869 г., 1909 г.), полуустав, 8^о.

О чаю, и о кофни, и о винѣ, какое было въ монастырѣхъ // (л. 1об.)

Чай и кофей по естеству израшение земли, по Божию повелѣнью бывшее, купно со всѣми прочими изращения, а не иначе. Но чай имѣеть расти и собираем

быти во странѣ нечистой и бусарьмайстѣй и ядушей всякую нечистоту, за что и подлѣжитъ многимъ народнымъ отголоскамъ нѣкая имѣтъ сопричастная къ нечистотѣ при собрании онаго и произведении въ таковой вида и свойства // (л. 2) порядокъ, почему для вѣрныхъ и сумнителенъ для употребления, по реченныхъ въ Писании, еже рече: «Помышляющему нечисто, и есть таково»¹⁹, и проч[ее].

А кофей ничто иное, какъ относительно къ сласти, равной съ прочими излишествами усладительными.

А о винѣ въ монастыряхъ въ Палестинѣ виноградное, // (л. 2об.) а въ российскихъ и хлѣбное, и хмельное. И въ хмелю нѣтъ никакия погрѣшности, какъ нѣкоторыя грубо толькують.

Примечания

¹ У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой и Г.И. Кабаковой. М., 2014. № 305, 307, 327.

² Там же. С. 407.

³ См., например: «Взойду ли я на гору высокую, увижу ли я бездну глубокую...»: Старообрядческий фольклор Нижегородской области / Сост. и коммент. О.А. Савельевой, Л.Н. Новиковой. Новосибирск, 2001. С. 30, 178—180; Чувьоров А.А. Пищевые предписания и запреты в религиозно-обрядовой культуре коми старообрядцев-беспоповцев // Пир — трапеза — застолье в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2005. С. 125—143. Ю.К. Бегунов опубликовал старообрядческий рашенский стих о чае XIX в., но комментарий к нему не привел (Бегунов Ю.К. Стих-раешник о чае // Рукописное наследие Древней Руси: по материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 244—248).

⁴ См.: Малък Э. Чай и кофе в быту и в литературе XVIII столетия // Малък Э. Разыскания по русской литературе XVII—XVIII вв.: Забытые и малоизученные произведения. СПб., 2008. С. 317—328.

⁵ Отчасти этот вывод может объясняться областью наших археографических поисков: обследовались в основном рукописные собрания из олонецкого, архангельского, коми и других северных регионов, где эти старообрядческие согласия доминировали.

⁶ Покровский Н.И. Чин исповедания сибирских бегунов-странников XX в. // Общественное сознание и литература России: источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 249.

⁷ Вытегорский погост // Олонецкие губернские ведомости. 1885. № 3. С. 26. Благодарю А.С. Лызлову за указание этого источника.

⁸ Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах.

Производство, потребление и распределение чая. СПб., 1892. С. 190.

⁹ См.: Там же. С. 191.

¹⁰ См.: Из «Описания Китая» Николая Спафария // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 546. Спафарий описал также китайскую традицию заваривать и пить чай и находил это занятие очень полезным для здоровья (Там же. С. 542).

¹¹ Пигин А.В. Каргопольские экспедиции Петрозаводского университета // ЖС. 1997. № 4. С. 45.

¹² См.: Вознесенский А.В. Старообрядческие издания XVIII—XIX века: Введение в изучение. СПб., 1996. С. 97—101.

¹³ Эти псевдоканонические «правила» о чае, кофе и табаке несколько раз публиковались (см., например: Брокович А. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861. Ч. 2. С. 338).

¹⁴ Первый Всероссийский Собор христиан-поморцев, приемлющих брак. М., 1909. С. 52—56.

¹⁵ См.: Маркелов Г.В. Писания выговцев: каталог-инципитарий, тексты. По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома. СПб., 2004. С. 83.

¹⁶ См.: Маркелов Г.В. Выговский чиновник: Тексты и исследования. СПб., 2008. Т. 2. С. 410.

¹⁷ См.: Белоусов А.Ф. Последние времена // Аequinox: Сб. памяти о. Александра Меня. М., 1991. С. 11—14; Покровский Н.И. Гусли, патефоны и телевизоры // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 48. СПб., 1993. С. 446—450.

¹⁸ См.: Белоусов А.Ф. Последние времена... С. 31.

¹⁹ Ср.: Римл. 14: 14.

Сокращения

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

КГИАХМ — Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей.

Клепиков 1959 — Клепиков С.А. Филигранный и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959.

ПетрГУ — Петрозаводский государственный университет.

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012—2016 гг.

Е.Б. РАШКОВСКИЙ ИЗ ОКОЛОЦЕРКОВНОГО ФОЛЬКЛОРА XIX СТОЛЕТИЯ

Это произведение семинарского фольклора XIX столетия я запомнил с детства. Песню эту часто пел мой отец, московский адвокат Борис Федорович Рашковский (1896—1977).

Как могло это всеми забытое произведение из русской провинциальной церковной среды — произведение со специфическим обыгрыванием библейских образов и церковнославянизмов (оно и пропевалось со специфическим церковным «оканьем») в общем контексте тогдашней полуплебейской русской речи — попасть в наш дом, в московскую интеллигентско-еврейскую семью?

Отвечая на этот вопрос, мне следовало бы обратиться непосредственно к истории моего отца¹. Он родился в г. Моршанске Тамбовской губ.; с детства мечтал стать инженером-путейцем, учился в реальных училищах Моршанска и Кузнецка (ныне Пензенская обл.); позднее, уже находясь в Москве и служа в Союзе земств и городов (Земгор), поступил в Московский путейский институт (ныне МИИТ), но вскоре был мобилизован в Красную армию², а уж после Гражданской войны, будучи помощником знаменитого инженера-путейца Николая Карловича фон Мекка³, участвовал в работах на Мурманской железной дороге, в частности в работах по обновлению железнодорожного обеспечения Мурманского морского порта — обеспечению, сыгравшему немалую роль в годы Великой Отечественной войны...

Вернусь, однако, к его юности. Он рассказывал мне, что, будучи «реалистом»⁴, дружил с однокашниками из священнических семей: «они были среди нас самыми воспитанными и самыми музыкальными». Последнее обстоятельство было для отца немаловажным. Не получив дома ни малейшей музыкальной подготовки, он самоучкой выучился играть на фортепьяно, гитаре, балалайке и домре. В последних классах реального училища он подра-

ЕВГЕНИЙ БОРИСОВИЧ РАШКОВСКИЙ, доктор ист. наук; Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН (Москва)